

Глава 60. Чудовище

Летний ночной ветер вполз в комнату и поднял в сердце Цзян Тана тёплую волну.

Золотисто-алая духовная птица постепенно начала бледнеть, а перед тем как исчезнуть, ещё раз потерлась клювиком о кончик его пальца.

Щекотно. Сладко.

Совсем как у него на душе.

Духовная весть не была похожа на письмо, которое можно доставать и перечитывать снова и снова. Она держалась совсем недолго и, стоило её открыть, вскоре рассеивалась в воздухе.

Из-за этого, когда те слова исчезли, Цзян Тан вдруг начал сомневаться, не померещилось ли ему всё это. Ему даже стало казаться, будто никакой вести он не получал вовсе и всё увиденное было только сонным наваждением.

Иначе как это возможно? Фу Линцзюнь только что сказал, что ему... нравится слушать?

Нравится слушать весь тот ворох его пустой болтовни?

Цзян Тан сам не заметил, как свернулся на кровати клубочком, а потом не выдержал и пару раз перекатился по постели.

Тело покрыло лёгким жаром и тонкой испариной, сердце застучало ещё веселее. Он чувствовал себя как плотно закупоренная бутылка газировки: пока он катался туда-сюда, внутри поднималось всё больше и больше пузырьков, и они весело, счастливо булькали наверх.

Накатавшись вдоволь, Цзян Тан с красным лицом плюхнулся на живот и снова начал слать Фу Линцзюню вести.

«Рыба была такая вкусная, только я не очень умею есть рыбу — легко могу подавиться косточкой, приходится их выбирать. Сян Син хотел помочь, но я подумал, что раз уж стал человеком, то нельзя, как раньше, во всём полагаться на других, вот и провозился долго, поэтому не писал тебе».

«Потом, когда мы вернулись в гостиницу, случилось кое-что, и нам пришлось переехать в другую».

«Я только что поспал и вот проснулся».

Он отправлял одну весть за другой. Это заклинание почти не требовало духовной силы, так что пользоваться им было очень легко. Но даже при таком малом расходе он всё равно оказался слишком болтлив. Той тонкой струйки духовной силы, что была у него в теле, просто не хватало на такую расточительность. После трёх сообщений он уже не смог отправить ни одного.

Совсем как телефон, у которого кончился трафик и его насильно отключили.

Только что ещё сонный Цзян Тан тут же вскочил с кровати и, нахмурившись, начал культивировать.

А далеко-далеко, на Северном водном континенте, Фу Линцзюнь, получив первую весть от

маленького болтуна, невольно вспомнил ту самую рыбу, которую однажды жарил в долине Тяньбэй.

Ту самую — хорошо прожаренную, хрустящую снаружи и нежную внутри.

Малыш съел всего пару кусочков, а потом закапризничал и принялся ластиться к Сян Сину, требуя, чтобы тот кормил его с рук.

Разумеется, Фу Линцзюнь вовсе не собирался придавать значение таким мелочам. Он был не настолько мелочным и злопамятным человеком.

Просто ему до сих пор было непонятно: огонь развёл он, рыбу жарил тоже он, так почему в итоге пришлось ещё и Сян Сину уговаривать его, чтобы тот согласился поесть?

Эта история сидела у него в памяти до сих пор, и только теперь Фу Линцзюнь наконец понял причину.

«В префектуре Кунчань есть рыба под названием Иньсы. У неё нет костей, мясо толстое и очень вкусное».

Хотя Цзян Тан сейчас был не рядом, Фу Линцзюнь словно наяву видел, как тот морщит красивое лицо, старательно выбирает косточки и при этом мучительно хочет съесть рыбу, но не может. И потому нарочно отправил ему такую весть, чтобы немного подразнить.

Но ответа почему-то долго не было.

Лишь спустя больше часа, когда Цзян Тан с огромным трудом просидел в медитации и наконец кое-как восстановил немного духовной силы, духовная птица с сообщением о рыбе Иньсы уже сделала в его комнате бесчисленное количество кругов.

Он тут же поймал её, раскрыл и, увидев слова Фу Линцзюня, радостно отписал:

«Хочу попробовать. Можешь привезти немного обратно?»

Он даже начал выпрашивать у великого босса, который сейчас был занят своим сюжетным ходом, местные гостинцы.

При этом его совершенно не волновало, чем именно великий босс сейчас занимается по сюжету.

Ну а что тут поделаешь? Он ведь всего лишь маленький бесполезный слабак. Великий босс всё равно не мог взять его с собой проходить сюжет, так что оставалось только попросить привезти чего-нибудь вкусненького.

Очень быстро золотисто-алая птица принесла ему одно-единственное слово, от которого он чуть не расцвёл:

«Хорошо».

Ответ пришёл так быстро, что Цзян Тану на миг показалось, будто он и правда встречается с Фу Линцзюнем.

Разумеется, это была только тайная мысль. Ничего такого он на самом деле не имел в виду.

Фу Линцзюнь всегда был добр к нему — и когда он был зверьком, и когда стал человеком.

Прижав к сердцу эту радость, Цзян Тан кувыркался на кровати и с удовольствием слал Фу Линцзюню всё новые вести, пока снова не исчерпал всю духовную силу.

Великий босс отвечал то быстро, то медленно, видимо, действительно был занят. Но Цзян Тан не спешил. Ему просто хотелось делиться с Фу Линцзюнем всем интересным, что он видел. Уже одного того, что тот это читает, было для него более чем достаточно.

Под конец дня он, истратив последние крохи духовной силы, отправил Фу Линцзюню «спокойной ночи» и заснул сладким-сладким сном.

Наутро он проснулся всё с той же блаженной улыбкой на лице, от которой у Е Чжэнвэня сразу заныли зубы.

— И когда же брат Линь вернётся? — спросил он.

Цзян Тан, загибая пальцы, ответил:

— Два дня... и три часа.

Он действительно отсчитывал всё строго по полным трём суткам.

У Е Чжэнвэня дёрнулся уголок рта:

— Настолько уж подробно считать было вовсе не обязательно...

Сам не зная почему, он сегодня особенно остро чувствовал, что улыбка господина Цзяна какая-то не такая, как обычно. Но самое удивительное — никто вокруг, похоже, совсем ничего не замечал.

Ну и ладно. Что эта компания вообще может понимать? Ни у кого ни капли чутья.

После завтрака на постоялом дворе они отправились к озеру Тяньюань и издали увидели процессию с паланкином. Спереди и сзади шли крепкие мужчины, расчищая дорогу. Когда носилки подъехали ближе, стало видно, что красный корпус паланкина из жёлтого сандала расписан красивыми узорами, а сверху донизу спускается прозрачная занавесь из бусин. За дрожащими нитями смутно угадывался женский силуэт.

Лица было не разглядеть, но, похоже, внутри сидела красавица.

— Это что, опять в том же духе, что и вчерашний господин Ху?.. — Хуай Чэнъинь нахмурился, увидев, как лавочники по краям улицы поспешно отступают назад, потому что их бесцеремонно оттесняют прочь. — Показная надменность и полное отсутствие вежливости.

Е Чжэнвэня, кроме Шэн Исьюэ, никакие женщины совершенно не интересовали, так что он лениво бросил:

— Наверное, люди того самого господина Ху.

— Неужели может быть такое совпадение? Вчера столкнулись с самим господином Ху, сегодня опять с его людьми. Это что же за удача такая?

Не желая верить в такое совпадение, Хуай Чэнъинь поймал прохожего и расспросил.

Оказалось, что женщина и правда связана с семьёй Ху.

Её звали Ху Минцин. Это была единственная дочь того самого господина Ху, который вчера выгнал их из гостиницы.

— ...Говорят, монастырь Учань очень уж действенный, вот господин Ху и отправил туда дочь принести благовония. Видите, какой размах... — так рассказывал им человек, знавший местные слухи.

Сам господин Ху был не из Циньнаня.

Совсем недавно он приехал сюда по торговым делам. Похоже, его дочь уже достигла брачного возраста, но, поскольку всё время ездила вместе с ним и нигде надолго не задерживалась, удачную партию ей до сих пор не подыскали. Услышав, что монастырь Учань славится чудесами, господин Ху и отправил дочь туда помолиться. А вчера он выгнал всех из гостиницы лишь потому, что не хотел, чтобы кто-нибудь сегодня ненароком спугнул ту удачу в любви, которую его дочь должна была выпросить в храме.

Все только поглазели на редкое зрелище и не стали принимать заносчивого господина Ху близко к сердцу. Когда процессия скрылась на длинной улице, они пошли арендовать лодку на озере Тяньюань.

Лодка на шестерых стоила два цяня серебром, а снасти, лежавшие на борту, можно было использовать без доплаты. Сначала все для вида немного погребли сами, а потом, как только вокруг перестали видеть посторонние глаза, тайком призвали ветер и погнали лодку вперёд уже с помощью заклинаний.

Болтливый Цзян Тан, разумеется, снова отправлял Фу Линцзюню вести. А Сян Син и Хуай Чэнъинь сидели на корме, взяв по удочке, и пытались рыбачить с таким видом, будто были самим Цзян-цзыя, который ловит рыбу и ждёт, когда та сама захочет клюнуть. Впрочем, результат был нулевой: ничего они так и не поймали.

Е Чжэнвэнь всё норовил пересесть поближе к Шэн Исюэ, но та сидела рядом с Сун Цзиньяо, так что на носу лодки троица образовала несколько неловкую компанию и вяло перебрасывалась пустыми фразами.

Когда они уже почти добрались до островка посреди озера, юноши с острым слухом уловили слабый крик о помощи.

— Вы слышали? — Хуай Чэнъинь вскочил, отложив удочку, и насторожил уши. — Кажется, оттуда!

Сян Син тоже кивнул.

Хуай Чэнъинь тут же сложил печать, развернул лодку в другую сторону, и поднявшийся поток ветра быстро понёс их к источнику звука.

Там, среди кругов, расходящихся по воде, покачивалась маленькая лодка, доверху набитая лотосами.

Рядом с ней в воде бился нарядно одетый молодой господин. Он уже почти обессилел, постепенно терял сознание и уходил под воду. Хуай Чэнъинь среагировал мгновенно: сложив печать, он порывом ветра подхватил того и швырнул на стоявшую рядом лодку.

Лодка была полна ещё не раскрывшихся бутонов лотоса. Прокатился по ней, облитый водой, молодой господин кувырком, и сразу же раздавил множество нежных цветов.

— Ему, кажется, очень плохо, — Цзян Тан хотел было подойти поближе и посмотреть, но Сян Син тут же потянул его обратно.

Обычно громила редко показывал злое лицо, но сейчас его взгляд был необычайно недобрым. Он беспрестанно шарил глазами по поверхности воды.

Хуай Чэнъинь, стоя сбоку, похоже, тоже что-то ощутил. Он протянул руку к Е Чжэнвэню:

— Дай мне талисман для глаз.

Когда собственной духовной силы не хватало, чтобы различать нечисть и зло, культиваторам приходилось прибегать к талисманам зрения. Их было семь степеней: красный глаз — самый низкий, фиолетовый — самый высокий. Используя такой талисман, в течение получаса уже ничто злое не укрылось бы от взгляда.

Е Чжэнвэнь достал из жемчужины Нахай два талисмана синего глаза, один протянул Хуай Чэнъиню, второй оставил себе. В тот миг, когда они прикрепили талисманы, поверхность воды вокруг них медленно изменилась.

Из глубины начали расползаться красные, видимые невооружённым глазом нити. Мягкие, тонкие, как очень мелкая сеть, они ещё и едва заметно дрожали. Сквозь эти нити все увидели, как в воде мелькнула красная фигура и вспыхнуло бледное лицо.

— Что это за штука?! — Хуай Чэнъинь невольно оробел.

Души, погибшие насильственной смертью и не желающие уходить, часто начинают отнимать жизнь у живых там, где сами умерли. Поглощая слабые живые души, они усиливают собственную призрачную оболочку.

Если такой дух остаётся в воде, он становится водяным мстительным духом.

Но эти странные красные нити особенно тревожили Хуай Чэнъиня. От одного взгляда на них по телу расползлось болезненное чувство, словно даже сама душа внутри начинала дрожать и терять покой.

Е Чжэнвэнь, первый повеса под небесами, хоть и прославился тем, что шлялся повсюду и везде влипал в неприятности, всё же действительно многое повидал. К тому же Янь Цунси, хочет он того или нет, всё равно вечно насильно вталкивал ему в голову всякие знания. Так что он первым узнал, что именно скрывается в воде.

— Кто-то пытается подчинить себе водяного мстительного духа, — слегка нахмурившись, сказал он.

Выращивание мелких духов и без того считалось в мире бессмертных гнусной дорожкой еретиков. А тут чем-то подобным занимался не культиватор, а самый обыкновенный смертный.

Как обычный человек вообще мог соприкоснуться со столь зловещими рунами и ещё попытаться воплотить всё это на деле?

Его взгляд невольно упал на того нарядного мужчину, которого только что вытащили из воды.

У того был порезан палец, и из раны всё ещё по капле сочилась кровь. Внимательно осмотрев набитый лотосами челн, Е Чжэнвэнь обнаружил, что на каждом лепестке нарисованы руны. Он не был Линь Шэном и не мог запомнить все эти сложные знаки, но догадался, что красные нити — это и есть отчаянные попытки водяного мстительного духа вырваться.

Если бы она не начала сопротивляться и не стащила мужчину в воду, очень скоро её бы уже превратили в свирепого призрака, лишённого рассудка и полностью послушного чужой воле.

Среди бесчисленных красных нитей медленно проступила женская фигура с мертвенно-бледным лицом. Вид у неё был страшноватый и мрачный, но всё равно можно было понять, что при жизни это была красивая девушка.

— Помогите мне, маленькие наставники.

Её голос походил на вздох живого человека. В нём была влажная, тоскливая хрипотца, пробиравшая прямо в уши.

Цзян Тан боялся призраков и потому немного не смел на неё смотреть. Но девушка не проявляла враждебности. Она и сама была сейчас очень слаба. Цвет её души стал таким бледным, будто ещё чуть-чуть — и она растворится в воде.

Наверное, потому что она казалась слишком жалкой, Цзян Тан больше не чувствовал к ней страха.

Водяной мстительный дух, словно выплёвывая кровь с каждым словом, рассказала им свою историю.

Когда-то она была дочерью доброй семьи Лю из Циньнаня, но два года назад этот с виду порядочный зверь погубил её. А потом, боясь, что она успеет донести на него, жестоко убил и утопил в озере Тяньюань.

И вот уже два года она лежала на дне.

Она родилась из обиды и злобы и по той же злобе оказалась навеки прикована к этому месту. Пока её убийца жив, ей не обрести освобождения.

Для водяного мстительного духа стремление убивать живых — инстинкт, но девушка Лю этого не хотела. Хотя накопившаяся ярость становилась всё сильнее из-за того, что она так и не могла убить своего врага, по-настоящему убивать никого она не собиралась.

И только сегодня тот, кто лишил её жизни, каким-то образом узнал, что она стала водяным мстительным духом. Он нагнал полный челн лотосов и сделал из них клетку, намереваясь окончательно подчинить её себе, превратить в свирепого призрака и использовать по своей воле.

Девушка Лю сопротивлялась изо всех сил и сумела только стащить его в воду, но так и не отняла у него жизнь.

Наверное, где-то в глубине души она всё же понимала: если убьёт живого, то уже никогда не сможет вновь войти в круг перерождений.

Выслушав эту бесчеловечную историю, Е Чжэнвэнь тяжело выдохнул:

— Он — живой бес этого мира. И наказать его должен именно человеческий мир.

Они не могли научить девушку Лю собственноручно зарезать врага, но могли отдать его под суд.

Подростки-культиваторы изо всех сил провели для неё обряд упокоения. Этот водяной мстительный дух, не запятнанный кровью, постепенно смыл с себя всю злобу, накопившуюся за два года. Цвет её души становился всё светлее и светлее. Казалось, она и сама чувствовала, как её тело делается всё легче, легче настолько, что вот-вот сможет покинуть это место, державшее её в плену, и уйти в иной, новый мир.

— Спасибо вам, — сказала она.

Затем легко взмахнула рукой и понемногу исчезла над безбрежной гладью озера.

Что же до человека со злыми намерениями и её тела, спрятанного на два года, то этим уже занялись власти Циньнаня.

— Боже мой, да это же грех какой! Девушка из семьи Лю пропала два года назад, и кто бы мог подумать, что это всё проделал этот скот!

Когда ребята вернулись вместе с нарядным мужчиной, они первым делом сообщили обо всём чиновникам.

Тело, пролежавшее в воде два года и не тронутое тлением из-за накопившейся обиды, потрясло всех, кто пришёл смотреть на подъём останков.

— Вот именно! Если бы не эти маленькие наставники, эта тварь ещё бы и ушла!

Поскольку Е Чжэнвэнь, обращаясь к властям, по привычке наплёл всем, что он лишь полуграмотный полубессмертный, который многому ещё не научился, получилось, будто именно так он каким-то чудом и узнал место, где утопили девушку Лю, а заодно и всё, что случилось тогда.

Не прошло и полдня, как весь Циньнань уже гудел: в город приехали удивительные маленькие наставники.

Из-за того, что чиновники поднимали тело при слишком большом стечении народа и шума было слишком много, теперь молодые люди почти не могли выйти из постоянного двора.

Люди шли к ним нескончаемым потоком — кто с местными гостинцами, кто с красиво упакованными подарками, кто и вовсе с золотом и серебром — лишь бы позвать их к себе домой поглядеть на что-нибудь.

Кто-то хотел, чтобы им проверили фэншуй дома. Кто-то — чтобы разобрались в каком-нибудь семейном пустяке, от одного описания которого уже начинала болеть голова. Всякая всячина копилась без конца.

За эти дни Циньнань они успели обойти уже не раз и не два. Кроме озёрного островка, нигде больше особой нечисти не было.

Отряд подростков, который всего лишь хотел по пути сделать доброе дело, а в итоге вынужден был прославиться, ничего не оставалось, кроме как прятаться в гостинице. И только глубокой

ночью у входа внезапно раздался пронзительный, надрывный вой пополам с рыданиями.

Стоило выглянуть вниз, как оказалось, что это тот самый заносчивый господин Ху.

Теперь он стоял на коленях, весь в слезах и соплях, и убивался навзрыд.

Цзян Тан долго вслушивался, прежде чем сумел разобрать, что именно он кричит.

Его дочь пропала.

Её утащило чудовище.

<http://bllate.org/book/17032/1644412>